

Чжуан Шаогун мысленно посетовал на несносного Умина, однако не забыл, зачем преподнес жемчуг. Посмотрев на Лань Сяньюй, он поднял кубок и обратился к Ма Минвану:

— Дядя Ма, мы с девой Лань почувствовали взаимную симпатию с первой же встречи, к тому же в гостинице она самоотверженно защищала меня. Я желал бы стать ей названным братом, но обстоятельства торопят: родителей рядом нет, да и лика бога Гуань-ди, перед которым можно было бы принести клятву, не сыскать. Не сочтете ли вы с супругой за труд стать свидетелями нашего союза?

Лань Сяньюй, услышав это, тоже подняла кубок:

— В былые дни я во многом полагалась на вашу заботу. Эту чашу я непременно должна выпить в вашу честь.

Ма Минван и его жена обменялись взглядами. Они прекрасно помнили, что никакой особой заботы этой девице не выказывали, однако та, вторя молодому господину Врат Бедствий, уже вовсю именovala их «дядей» и «тетей». Столь скорое панибратство выдавало в ней натуру хваткую и расчетливую, но супруги решили, что проще будет оказать ответную услугу.

— Племянник, то, что вы, едва встретившись, решили стать братьями по духу — дело великое и благое, — промолвил Ма Минван. — Лучшего дня, чем сегодня, не найти. Мы, люди Цзянху, не любим пустых церемоний: принесите клятву прямо здесь, перед нами, и того будет достаточно.

Чжуан Шаогун и Лань Сяньюй почтительно поднесли чете Ма кубки и произнесли положенные слова, обещая делить и жизнь, и смерть, и горе, и радость.

— Племянник, — вновь заговорил Ма Минван, — ты — молодой господин Врат Бедствий, а такое дерево всегда притягивает ветер. Назвавшись братом этой девицы, ты берешь на себя заботу о ней. Сяньюй, и ты помни: твой названный брат — человек необычный. Если вздумаешь, пользуясь его покровительством, совершить нечто недостойное, берегись — как бы не обжечься о пламя, которое сама же и раздула.

— Я лишь глупая девчонка, которой еще многому нужно поучиться у дяди, тети и старшего брата, — кротко отозвалась Лань Сяньюй. — Разве посмею я пойти против совести?

— Дядя Ма, — добавил Чжуан Шаогун, — мне предстоит путь в Цзиньлин, и брать с собой сестрицу Сяньюй будет неудобно. Она и ее подруги не желают покидать Врата Духовной Настройки, а потому я вверяю их вашей заботе. Она с малых лет была введена в заблуждение дурными людьми, так что если в чем и оступится — прошу, не скупитесь на строгость.

В тот же миг Ма Минван почувствовал, что мешочек с жемчугом в его руке стал словно бы горячим. Этим жестом Чжуан Шаогун фактически внедрил соглядатая Врат Бедствий в самое сердце Врат Духовной Настройки. Но жемчуг был принят, обет засвидетельствован — отступать некуда. Глава Ма вновь посмотрел на юношу: тот сидел с видом невинным и

преисполненным праведного пыла, словно и не подозревал, что его просьба подтачивает силы союзников.

Покончив с обедом, проходившим в атмосфере напускного радушия, Чжуан Шаогун захватил поднос с едой и отправился к Умину. Застав того забившимся под одеяло у самого очага прямо в сапогах, он не на шутку рассердился. Опустившись рядом, юноша сдержал раздражение и спросил:

— Умин, ты действительно так тяжело ранен?

Выспавшийся Умин, учуяв запах еды, лениво отозвался:

— Вчерашние раны были пустяковыми.

Видя такую честность, Шаогун немного остыл:

— А я-то, дурак, поверил и решил, что дядя Ма действительно выбил из тебя кровь.

Умин медленно протянул порезанную ладонь. Только теперь Чжуан понял, что никакой внутренней травмы не было — тот просто размазал кровь из пореза по губам. В душе шевельнулась радость, что спутник цел и невредим, но следом пришла догадка: Умин разыграл этот спектакль в спешке и просто не успел объясниться.

— Раз все в порядке, вставай и ешь, — буркнул Шаогун, протягивая миску.

Умин не спеша поднялся и принялся молча поглощать рис. Чжуан, вглядываясь в его лицо, не выдержал:

— Послушай... зачем ты нарисовал у себя на щеке черепаху?

— Для защиты от злых духов, — невозмутимо бросил Умин.

Последние капли гнева испарились. Глядя на это измазанное, как у беспризорного котенка, лицо и слушая серьезный тон, Чжуан Шаогун не выдержал и прыснул со смеху. Спутник лишь покосился на него. Вспомнив свое обещание Усиню приглядывать за этим несносным малым, Чжуан принес таз с водой, намереваясь умыть его. Умин облизал губы и, вопреки обыкновению, заговорил доверительно:

— Моя кровь ядовита. В узле есть противоядие — прими его, прежде чем перевязывать раны.

Чжуан послушно проглотил снадобье, отжал полотенце и принялся осторожно оттирать грязь с лица Умина. Перевязав ему ладонь, он заново собрал его растрепанные волосы и вдруг нащупал влажное пятно на левом плече. Пальцы окрасились в алый.

— Ты ранен и здесь?

Умин лишь коротко угукнул. Видимо, умывание его расслабило; он сидел, укутавшись в одеяло, и казался куда покладистее, чем обычно. В сердце Чжуана волной поднялась жалость. Он пристроился позади, желая заняться раной, и уже обхватил юношу за пояс, собираясь развязать узлы на одежде, как вдруг замер. Мысль о том, что это может выглядеть оскорбительно, заставила его сердце забиться чаще. Юноша покраснел до самых кончиков ушей и пролепетал:

— Я... мне...

Умин обернулся. В его взгляде недоумение медленно сменялось какой-то сложной, нечитаемой эмоцией. Чжуан Шаогун поспешно отстранился, бормоча под нос цитаты из Мэн-цзы:

— Как сказано у мудреца: «У государя есть недуг — государь любит красоту!»

— О чем ты? — медленно переспросил Умин, явно не уловив сути.

Чжуан, окончательно смутившись, опустил голову и признался:

— Вчера вечером... в карете... мне показалось, что твои руки... очень красивы.

Пальцы Умина едва заметно дрогнули и непроизвольно сжались в кулак.

— И что с того?

— Умин... боюсь, в мои мысли закралось порочное влечение... — выдохнул Шаогун. — Я смотрю на тебя уже не как на брата или друга. Словно между мужчиной и женщиной... возникла преграда недозволенного...

— Ты хоть раз видел таких «обрезанных рукавов»? — холодно усмехнулся Умин.

— В юности, в родовой школе... Один был моим двоюродным братом, другой — его дальним родственником...

— И что же, — Умин ледяно усмехнулся, — тебе так понравилось увиденное, что ты решил последовать их примеру?

Чжуан яростно замотал головой. Те двое напоминали ему бессловесных животных, и он никогда бы не посмел сравнить с ними Умина. Тот внимательно наблюдал за его терзаниями, а затем спросил напрямую:

— Значит, я тебе нравлюсь?

Чжуан начал было качать головой, потом кивнул, спохватился и снова затряс ею, окончательно запутавшись в словах:

— Да... нет... не смею! Я не хотел тебя оскорбить, просто... просто ты кажешься мне удивительным...

Умин, словно забавляясь, кивнул:

— Что ж, раз я так хорош, твоя симпатия меня не обидит.

Чжуан Шаогун чувствовал себя учеником перед суровым экзаменатором — каждое слово давалось с трудом. Услышав ответ, он не поверил своим ушам и робко переспросил:

— Не обидит... правда?

Вместо ответа Умин участливо промолвил:

— Раз уж в тебя закрались «порочные мысли», ты, должно быть, сильно страдаешь, не зная, как поступить. У тебя есть три пути.

— Каких же? — поспешно спросил Чжуан.

— Путь первый: мы становимся любовниками, ты забываешь о дочери главы союза Е, возвращаясь домой и честно во всем признаешься родителям.

При мысли о родителях у Чжуана в голове словно набат ударил. Нет большего сыновнего непочтения, чем оставить род без наследника. Отец с матерью никогда не благословят такой союз, и в семье воцарится раздор.

— Путь второй: мы становимся любовниками, ты едешь в Цзиньлин к деве Е, а родителям ничего не говоришь.

Чжуан ошеломленно воззрился на него. Умин сидел все такой же бледный и болезненный, но в глазах его сквозила явная насмешка. В этот миг Шаогун кое-что осознал, и гнев захлестнул его:

— Умин! За кого ты меня принимаешь? Неужели ты думаешь, что я способен так подло обойтись с тобой?

Умин негромко рассмеялся, словно само слово «обойтись» показалось ему верхом нелепости.

— И путь третий, — он легко коснулся взглядом лица Чжуана. Тот затаил дыхание. — Ты наносишь мазь, проваливаешь отсюда, и мы делаем вид, что этого разговора не было.

Услышав это, Чжуан Шаогун понял: его чувства для этого юноши не значат ровным счетом ничего. Мимолетное наваждение развеялось, оставив лишь чувство стыда — словно он, объевшись жирного, замутил себе разум и вылил ушат нелепых признаний на голову этого бессердечного мальчишки.

Ему стало горько, а затем — немного смешно. Окончательно успокоившись, он произнес:

— Что ж, пусть будет так. Я открылся тебе лишь потому... потому что хотел жить с ясной душой. Древние говорили: «Сердце благородного мужа должно быть подобно чистому небу и яркому солнцу, чтобы каждый мог видеть его». Теперь я знаю, что ты думаешь, и можешь быть покоен: я не стану неволить тебя или питать тайные надежды.

С этими словами он развязал ночное одеяние Умина. В его движениях больше не было робости — он смотрел лишь на рану, не обращая внимания на наготу. Промыв крохотные порезы от струн, он наложил мазь, перевязал плечо и помог Умину облачиться в чистую одежду.

Тот, чувствуя приятную свежесть в теле, расслабился и, кажется, даже прислушался к словам Чжуана. Когда юноша уже собрался уходить с тазом воды, Умин окликнул его:

— Молодой господин, я верю в твою честность.

Чжуан замер, горько усмехнувшись:

— Вот, значит, как... Рад, что хотя бы не вызываю у тебя отвращения.

— На самом деле у меня есть возлюбленная, — невозмутимо продолжал Умин. — Когда я умру, прошу тебя позаботиться о ней.

Сердце Чжуана болезненно сжалось. Пересилив себя, он спросил:

— Кто она?

Умин мимолетно улыбнулся:

— После моей смерти тебе передадут письмо. Прочтешь — и сам все поймешь.

Чжуан Шаогун ощутил невыносимую тоску. То ли оттого, что этот болезненный юноша так легко говорит о смерти, то ли оттого, что даже у него есть кто-то дорогой сердцу. Все вокруг — и констебль Ин, и Умин — обрели свою привязанность, и только он один оставался не у дел.

В душе его вскипело странное чувство. «Неужели я настолько никчемнее по сравнению с ними, что не стою чьей-то любви?» — подумал он. Впервые он ощутил, как бездарно тратил годы, не зная нужды в родительском доме. Мир вне родных стен показал ему, что он во многом уступает другим, и в нем крепло желание доказать свою состоятельность.

Умин и не подозревал, какую бурю вызвали его слова.

— Так ты исполнишь мою просьбу?

Чжуан пришел в себя и вымученно улыбнулся:

— Исполню. Если тебя не станет, «жену твою и детей я в обиду не дам».

— Молодой господин, — не преминул похвалить Умин, — ты действительно хороший человек.

Чжуан Шаогун, которому больше нечего было сказать, взял таз, дошел до двери, но вновь обернулся:

— Умин... Я знаю, что мой опыт ничтожен по сравнению с твоим. Ты умен, у тебя на все свой взгляд, и ты не любишь подчиняться. Я не виню тебя за это — напротив, я готов у тебя учиться. Но я прошу лишь об одном: не лги мне больше. Ты сам сказал — твои убийства на моей совести. Но и твои раны — тоже на ней. Я не тиран и не самодур. Я могу даже принести тебе воды для умывания, так неужели мы не можем просто договориться?

Он посмотрел Умину прямо в глаза и закончил:

— Умин, ты не один в этой битве. И я тоже не один. Я не хочу причинить тебе вред и не хочу сомневаться в тебе. Пожалуйста, не обманывай меня больше.

<http://bllate.org/book/17481/1694789>